

АНАЛИТИЧЕСКИ-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ИНДИВИДУАЛЬНАЯ АРТ-ТЕРАПИЯ С ДЕТЬМИ В ПРЕОДОЛЕНИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ДЕПРИВАЦИИ

Статтю присвячено впливу ігрової арт-терапії на корекцію наслідків деприваційного досвіду у дітей. Визначено якісні характеристики спонтанної ігрової діяльності дітей у створенні піскових композицій та візуальної творчої роботи.

Узагальнення власних спостережень за спонтанною діяльністю дітей в ігровому кабінеті у відповідності до типології впливу на дитину деприваційних наслідків, дозволяє розкрити взаємозв'язок між наявністю деприваційної травми у дітей та особливостями їхньої ігрової діяльності. Також визначено особливості психодинаміки переживань дитини та наданий їм аналітичний коментар.

У статті представлено детальну ілюстрацію теоретичних положень випадками з практики психолога-арттерапевта.

Ключові слова: деприваційний досвід, спонтанна ігрова діяльність, аналітично-орієнтований супровід, психодинаміка переживань, пісочна композиція та візуальна творчість.

Статья посвящена влиянию игровой арт-терапии на коррекцию последствий депривационного опыта у детей. Описаны качественные характеристики спонтанной игровой деятельности детей при создании песочных композиций и визуального творчества.

Обобщение наблюдений за спонтанной деятельностью детей в игровом кабинете в соответствии с типологией влияния депривационных последствий позволяет раскрыть взаимосвязь между наличием депривационной травмы и особенностями игровой деятельности у детей. Также определены особенности психодинамики переживаний ребенка с аналитическим комментарием.

В статье представлена детальная иллюстрация теоретических положений случаями из практики психолога-арт-терапевта.

Ключевые слова: депривационный опыт, спонтанная игровая деятельность, аналитически-ориентированное сопровождение, психодинамика переживаний, песочная композиция и визуальное творчество.

The article is devoted to the influence of the game art therapy to correct the effects of children's deprivation experience. Author describes the quality characteristics of the spontaneous game activity of children creating sand compositions and visual art.

Generalization of the observation of spontaneous children's activity in the game room according to the typology of influence deprivation effects can reveal the relationship between the existence of deprivation injuries and characteristics of children's play activities. Also features of psychodynamic of child experiences were identified with analytical comments.

The article presents a detailed illustration of theoretical thesis through cases from the practice of a art therapy psychologist.

Key words: deprivation experience, spontaneous play activity, analytically-oriented support, psychodynamics of experiences, sand composition and visual art.

Психическая депривация – это психическое состояние, которое возникает вследствие таких жизненных ситуаций, когда у субъекта нет возможностей для удовлетворения основных

(жизненно важных) психических потребностей на протяжении длительного времени [Лангмейер Й., Матейчек З.]. Деформация детской личности в ситуации депривации является своеобразным

«иммунитетом», который защищает от влияния кризисных условий в аномальных семейных отношениях.

Причиной обращения к детскому психологу вследствие деривационной травмы, как правило, являются проблемы с эмоциональной сферой ребенка. Применяя арт-терапевтические техники, мы позволяем детям «выплеснуть» внутреннее напряжение, трансформировать его и изменить свое отношение к травмирующей ситуации посредством укрепления собственного «Я».

У игрового арт-терапевта могут возникать вопросы о том, почему одни дети, зайдя в игровую, сразу хотят рисовать, другие – лепить, третьи – играть с игрушками. Кто-то на первой встрече держится за маму, уговаривая, чтобы даже игрушки для игры выбирала она, а кто-то нетерпеливо вбегает в игровую комнату, не обращая внимания на замечания мамы или папы. Вследствии полученного опыта в работе с детьми, мы систематизировали свои наблюдения за поведением детей в аналитически-ориентированой арт-терапии.

В каких случаях дети выбирают игру в сухом песке? Как правило, это очень послушные и аккуратные дети, которые всегда стремятся сделать все правильно, так, как говорит значимый взрослый. Это дети, которым страшно встретиться со своими желаниями (так, как боятся своими «неправильными» поступками огорчить значимого взрослого). Выбор сухой песочницы или категорическое нежелание подходить к ней на первых встречах говорит о том, что у ребенка не достаточно хорошо прожиты отношения с мамой. Дети с таким опытом переживаний какое-то время играют за пределами песочницы, время от времени подходят к ней, притрагиваются к песку пальчиками и снова возвращаются к прежней игре. Либо аккуратно ставят минимальное количество игрушек в песочницу, практически не касаясь песка.

Если песочница – это символическое тело матери, то к «маме» прикасаться нужно очень осторожно, так как можно спугнуть, и тогда она уйдет (на символическом языке, будет разрушен материнский объект). Можно сделать вывод, что стадия, когда ребенок проявляет агрессию по отношению к маме, а она при этом не «разрушается», не была прожита достаточно хорошо. Таким образом, у ребенка формируется представление о себе как об «очень плохом».

Постепенно, взаимодействуя с песком, дети начинают использовать воду, сначала маленькую капельку, где-нибудь в уголочке, потом немножко больше (постепенное оживление материнского объекта). Позднее дети готовы выплескивать все приготовленное количество воды, перемешивать песок руками, наполнять ним посуду, кормить персонажей. Так происходит символическое насыщение материнского объекта чувствами, оживление его и инкорпорация (присоединение)

этих чувств себе как готовность «брать» и «отдавать», что соответствует оральной стадии психосексуального развития человека (Ерик Эриксон). Таким образом, ребенок насыщается ресурсами (внутренними силами) и готов перейти к следующей стадии психосексуального развития.

Много воды изначально используют дети, затопленные своими переживаниями. Это дети, которые не могут выдерживать напряжение и ограничение; это дети, которые воспитывались в ситуации вседозволенности и ни в чем не испытывали отказа (неумение отсрочить желание и принять ситуацию отказа из-за невозможности родителей нормировать и ограничивать). В таком случае психологу важно ставить ребенку такое количество воды, которое не «разрушит» самого психолога, но в то же время, даст возможность и реализовать желание ребенка, и ограничит его. В данной ситуации психолог играет роль ограничивающего взрослого, что позволит ребенку встретиться с рамками (нормированием), справиться с этой ситуацией или проявить агрессию к ограничивающему взрослому. Это тоже является лечебным, так как для ребенка это означает, что плох ограничивающий взрослый, а не он сам, дает возможность ребенку уйти от самодеструктивного поведения, а психологу – избежать внутреннего напряжения и раздражения на ребенка.

Когда песок становится ребенку не интересен? Игра в песке будет продолжаться столько времени, пока чувства ребенка остаются не дифференцированными, он не знает, как их назвать, когда они возникают и что означают? Играя в песке, ребенок проживает свои переживания опосредованно, презентуя свои чувства, мысли, тревогу и страхи через какой-либо выбранный объект-игрушку. Психолог является в это время тем зеркалом, которое и принимает переживания, и называет их. Ребенок воспринимает реакцию психолога в ответ на свои действия и чувствует при этом свою собственную значимость в этот момент. Для него становится узнаваемой собственная реакция – поведение, переживание и смыслы.

Бывает так, что после нескольких встреч ребенок пытается залезть в песочницу, сесть или лечь в нее. Тогда мы можем говорить о регрессе ребенка на стадию первичного нарциссизма, соответствующую 1-2 месяцам первого года жизни, когда ребенок мог получать ресурс от полного растворения с материнским объектом. Песочница выступает в роли символического тела мамы, на котором можно полежать, попробовать на вкус, приложить к «больному» месту.

Ребенок перестает играть в песке и выбирает для игры более твердые предметы и материалы, когда его чувства становятся дифференцированными и понятными. Например, он говорит: «Я сегодня с мечом играть буду, я злой Добрый воин. Я буду нападать на тебя, а ты – Противная Противница». Так игра перемещается в другое символическое пространство – на взаимодействие

с психологом. Ребенок уже готов строить отношения дальше.

У детей не сформирован целостный образ мамы, если уход за ними в раннем возрасте (с рождения и до года) осуществляют несколько значимых взрослых: частично мама, частично бабушка или тетя, чередующиеся няни (преждевременная сепарация). В этой ситуации возникает фрагментарный образ матери, который трудно интегрировать детской психике. Ребенок в процессе игры связывает отдельные фрагменты предметов в игровой с помощью клубка ниток или шнурка, соединяя разрозненные части в единое целое. Затем, становясь в центр, ребенок как бы регрессирует в тот возраст, когда материнский объект был константен, получая тем самым необходимую ресурсную подпитку.

Приведем для иллюстрации несколько практических случаев из опыта работы с депривационной травмой у ребенка. Представить все пять типов динамики депривационного поведения (по Лангеймер, Матейчик) в рамках статьи не представляется возможным.

Социально-провокационный тип личности по классификации депривационного поведения. Рита, 10 лет. На прием пришли мама с девочкой 10-ти лет. Поводом к обращению послужили суицидальные наклонности девочки – «в школе пыталась травиться таблетками». Рита, единственный ребенок в полной семье. Семья проживает вместе с бабушкой и дедушкой со стороны мамы. Мама Риты злоупотребляет алкоголем, папа несколько отстраненный и неуверенный в себе человек. Родители находятся в ситуации развода.

Рита о себе: «Мне 10 лет, хожу в 5-ый класс, не очень нравится ходить в школу. Я каждый раз по разным школам, 1-ый класс – в одной школе, 2, 3, и 4-ый класс училась в другой школе, но там были злые учителя, а сейчас учусь в гимназии, здесь учителя хорошие. Когда училась в 1-ом классе, то у меня были друзья. Сейчас есть одна девочка, с которой я немного дружу, мы живем рядом».

Аналитический комментарий. В результате полученной информации родилась рабочая терапевтическая гипотеза о том, что демонстративное «отравление таблетками» прямо в школьном классе необходимо было девочке для того, чтобы помешать разводу родителей. По бессознательным убеждениям девочки, родители в этом случае должны были объединиться, а развод будет отложен на какое-то время. Вторым травмирующим фактором в жизни девочки были постоянные переходы из одной школы в другую. Таким образом, девочка не могла ни с кем установить длительные теплые дружеские отношения и эмоциональные привязанности. Обратив внимание на себя она могла только каким-то нестандартным образом – провокацией, вызовом (тенева сторона, доставшаяся в наследство от пьющей мамы).

С целью диагностики депрессивных тенденций девочке было предложено «Нарисовать историю» (тест Silver Rivley). Рита выбрала изображения

«цыпленка» и «нож», нарисовала цыпленка, пронзенного ножом и написала следующее: «Однажды девочка поехала к бабушке и дедушке в гости. Ей захотелось кушать, а бабушка сказала: «Возьми нож, походи и зарежь цыпленка». Девочка так и сделала. Но тут пришел дедушка и говорит: «Что вы сделали?». Девочка отвечает: «Так кушать же нечего», а дед и говорит: «Так в магазин можно было сходить и купить что-нибудь». Но было уже поздно».

Аналитический комментарий. Мы видим, как субъективное переживание девочки на символическом уровне проявляется через расщепление на «цыпленка» – («внутреннего ребенка» как символ инстинкта) и «дедушку» и «бабушку» (взрослые мужскую и женскую части; причем женская часть проявляет деструктивность руками ребенка – «пойди и зарежь цыпленка», а мужская – сочувствующая, но бессильная – «Что вы сделали?»).

Для начала была предложена арт-терапевтическая техника «Комиксы» (заполнения по очереди с психологом 8-ми прямоугольников на листе – как кадров в фильме). Девочка нарисовала историю встречи двух птиц: «Две птицы были в кафе. Зеленая пила коктейль, а черная ела червячков (снова расщепление на две части). Затем зеленая птица смахнула крылом червячков черной птицы, а черная смахнула коктейль зеленой птицы. На столе осталось все разбросанное (внутренний конфликт). Черная птица хотела извиниться, но зеленая птица уже ушла (демонстративная часть, формирующая чувство вины у страдающей неврозом). Черная птица стоит и плачет, а зеленая уходит (Переживание потери и покинутости.). Зеленая птица у себя дома, разорвала фотографию, на которой они (птицы) вместе. Подошла к окну, увидела черную птицу, которая просит извинения, простила, и они помирились (желание примирения родителей, тем самым, примирения своих конфликтующих частей).

В следующий раз девочке было предложена арт-терапевтическая техника «монотипия». За одну сессию Рита сделала 12 отпечатков, тот, который понравился больше всего, назвала «Небо». А тот, который не понравился совсем, назвала «Испорченная душа». На предложение написать историю об одном из рисунков, выбрала рисунок с названием «Испорченная душа» и написала такой текст: «Это душа ангела цветов, на нем (рисунке) нарисованы плохая и хорошая стороны души ангелочка. Черный – это МРАК, КОГДА НЕ ВЫРОСЛИ ЦВЕТЫ, а розовый – это МИР – вырос красивый цветок. На рисунке – и то, и другое. Я думаю, что черный цвет – это роза, а розовый – это орхидея. Две души ангела. Но там два цвета – это значит у ангела проблемы в саду, и ему плохо».

Аналитический комментарий. Арт-терапевтическая техника «Монотипия» позволяет снять напряжение выразить свои внутренние конфликты; позволяет так же осознать, что у актуального настроения есть причины, и признать всю «плохость» ситуации (в данном случае семейной).

На следующих встречах девочка продолжает работать с изобразительными средствами. Была предложена техника «Кляксография». Сначала Рита оставляет красками следы на бумаге – «это небо», затем рисует барашка и украшает его бантиком; тканью украшает весь рисунок, рисует облака – «это барашек в небе» (регресс, океаническое растворение, поиски ресурса). При выполнении техники «рисунок в круге» Рита выбирает краски с блестками, сначала очерчивает круг, затем делит его на две части – верхнюю и нижнюю: «Это планета Земля до нашей эры миллион лет назад. Это наша планета. Это река, она течет слева направо, на ней живут люди и солдаты. Солдаты служат в армии (армия – символ порядка, закона и ограничение свободы, находится в верхней части рисунка, справа). Внизу кафе (в нижней части круга), солдаты ходят в кафе покушать; и больница, где они лечатся, для этого им нужен мост» (девочка соединяет верхнюю и нижнюю части рисунка как символический переход от эмоциональных переживаний к действиям – мост, возможно, к психологу, где получает ресурсную подпитку (солдаты едят в кафе) и лечение в больнице (кабинете психолога) «испорченной души»).

Спустя время был выполнен еще один рисунок в круге. Девочка дала ему такой комментарий: «Это монстрик, у него три глаза, сердечки – это реснички, желтые – это бровки, а голубые и черные – это рожки, посередине – нос, а вокруг – дырочки, чтобы дышать, и ротки, чтобы есть листья на дереве (рисунок целостный, произошло принятие негативной детской части, появилась возможность дышать, т. е. жить дальше).

На заключительной сессии девочка нарисовала природный ландшафт и дом за высоким забором (у нее появилось субъективное ощущение собственного пространства и свои ресурсы для его защиты).

«Социально-гиперактивный» тип. Павел, 6 лет. Паша проживает с папой, бабушкой и дедушкой. Когда ему было 4 года мама привела Пашу в детский сад и там оставила. Больше Паша маму не видел. Причиной обращения к психологу были следующие особенности его поведения: расторможен, не удерживает внимание, быстро теряет интерес к деятельности, во время дневного сна мальчик мастурбирует, проявляет агрессию к взрослым и детям (обзывается и дерется).

При первой встрече Паша легко вступает в контакт, импульсивен, внимание рассредоточено, постоянно меняет вид деятельности. Пашу заинтересовала работа с глиной, что позволило проявить аффекты. Мальчик сначала делал что-то похожее на «колбаску» («это такое есть у дядьки» – интерес к гениталиям в соответствии с возрастом), а потом со всей силы стукнул кулачком по глине, сказав, что «теперь кашка разлетелась в разные стороны» (выражение агрессии).

В дальнейшем игра переместилась в песочницу. Мальчик высыпал все военные игрушки и играл «в войну» против солдат психолога. Постепенно игра переместилась на пол, т. к. в песочнице было мало

пространства, а ребенку хотелось уничтожать солдат психолога с размахом (проявление агрессии к материнскому объекту и невозможность выдерживать пространственное ограничение).

Аналитический комментарий. Игра «в войну» дает возможность выразить весь негатив (разозлиться на взрослого, а не на себя; гнев был выведен наружу, что сняло напряжение аутоагрессии и смягчило симптомы заикания).

Постепенно агрессия мальчика убывала, ребенок адаптировался в детском саду. Стал проявлять интерес к занятиям.

«Хорошо приспособлений» тип. Лариса, 3 года. Основной проблемой обращения к психологу, являлось то, что девочка «боялась кашку» и отказывается ходить в туалет, удерживая кал. Добиться опорожнения кишечника возможно только с помощью длительных уговоров и применением стимулирующих средств: клизма или слабительные свечи.

Лариса поздний и единственный ребенок в семье, желанный и любимый. Когда девочке исполнилось 3 месяца – мама вышла на работу, а уход за ребенком стала осуществлять бабушка. В возрасте 2 лет Лариса перенесла тяжелую кишечную инфекцию и 4 дня находилась на лечении в инфекционной больнице. Очень болезненно происходил отрыв от мамы, когда ребенка забирали на процедуры – капельницы (продолжительность 6 часов) и промывание кишечника. Проблемы с опорожением возникли сразу после госпитализации.

На момент обращения мама отмечает, что Лариса чувствительна к шуму и грязи, но последнее время успокаивает себя словами «ничего, потом помоемся».

1-я встреча. Девочка легко вступила в контакт, охотно подошла к полкам с игрушками (хороший познавательный инстинкт и достаточная степень сепарации от мамы), стала выбирать фигурки животных и размещать их в сухой песочнице (невозможность контактировать с мокрым песком как страх испачкаться, страх проявить свои эмоции), погружая лапы животных полностью в песок (как затопленность некоторыми не ассимилированными переживаниями). Затем она стала перемещать фигурки животных в центральную часть песочницы (инстинкты как внутренние объекты и как актуальное состояние). Увидев маленькие фигурки животных, она расположила их рядом с большими фигурками, приговаривая: «Это тигр, а это тигренок, это лев, а это львенок, это коза, а это козочка» (Потребность в развитии диадных отношений «я и мама»).

Затем взяла гнездо с петушком, курочкой и яйцом, поставила посередине правой части песочницы и сказала: «Все, я хочу рисовать» (Завершение диадных отношений и принятие триады, одновременно, принятие своего «зародышевого» состояния и образа целостности, готовность что-то воспроизвести во вне).

Аналитический комментарий. Сопоставив анамнестические данные первого года жизни (мама вышла на работу, когда девочке исполнилось

3 месяца) и поведение девочки во время первой встречи с психологом (является диагностическим), мы предположили, что ребенком недостаточно прожиты диадные отношения «мать-дитя» (первоначально была ранняя и периодически-повторяющаяся разлука с мамой). Удержание кала и страх встретиться с «какашкой» отражают одновременно и неприятные физиологические состояния девочки, которые она пережила в возрасте 2 лет, и, страх расставания с ценным объектом – матерью, и страх отделиться или отделить (выделить его) от себя – ценный объект. Кроме того, это была единственная тема, вокруг которой можно было удерживать внимание взрослых возле себя.

На 2-ой, 3-ей и 4-ой встречах Лариса начинала играть в песочнице, аккуратно расставляя игрушки, затем «аккуратненько» убирала их, мыла испачкавшиеся в песке игрушки (потребность в «правильности» и в «красивости» как стремление «быть чистой» в соответствии с ожиданиями мамы), заканчивала рисованием (позволяла себе «испачкаться» и «пачкала» краской бумагу – смогла оставить на ней свой след). 5-я встреча проводилась совместно с мамой. Девочка сразу же взяла золотистый дождик, сложила его кучкой на столе, рядом с которым сидела мама, и стала сносить на него все мягкие игрушки (стремление отдать маме все ценное). Потом размотала клубок ниток. Связала песочницу и стол, посередине посадила розового страуса (поиск возможностей для интеграции через символическое объединение внутренних объектов – песочницы, в которой произошел новый психологический процесс,

стола, за которым сидела мама и на котором лежали новые объекты). Засмеялась, попрыгала и сказала, обращаясь к маме: «Все, пойдём». (Девочка соединила себя и маму, тем самым, удовлетворив нехватку материнского объекта, сформировавшуюся в результате материнской депривации – раннего выхода матери на работу, ее интенсивного рабочего графика, последующих расставаний с ней и лечения в инфекционной больнице).

На последующих встречах возникло много спонтанных рисунков акварелью (рисунок «Луна», рисунок «Просто красное пятно»), среди них «Большая черная какашка», которую Лариса украшает наклейками (принятие ценности собственного продукта в связи с тем, что девочка со своими игровыми действиями была признана психологом, как ценность). На следующую встречу родители Ларису не привели, предварительно позвонив и сказав, что проблем со стулом больше нет: девочка самостоятельно садится на горшок при необходимости и без напоминаний. Несмотря на то, что работа с ребенком завершилась некорректно, терапевтический эффект оказался налицо, и запрос был реализован.

Работая с детьми, мы пришли к выводу, что это не только очень интересно и увлекательно, но и очень ответственно. Играя, дети заняты единственно важным для них делом: самими собой и таинственной связью между собой и внешним миром. В своей работе психолог идет за ребенком, принимая, называя и отражая то, что ребенок готов осуществить, давая ему возможность, при этом, стать более уверенным, самостоятельным и счастливым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллан Дж. Ландшафт детской души. Юнгианское консультирование в школах и клиниках / Джон Аллан [Перевод с англ. Ю. М. Донца] / Под общей редакцией В. В. Зеленского. – М. : ПЕР СЭ, 2006. – 262 с. – ил.
2. Бернацька О. Виховання дітей з досвідом деривації: не директивна гра, не директивна творчість: [науково-методичний посібник для психолого-педагогічного супроводу виховання дітей з досвідом деривації] / О. Бернацька, Н. Подвальна. – Миколаїв, 2011. – 124 с., ил., С. 86–112
3. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей / Джон Боулби [Пер. с англ. В. В. Старовойтова]. – 2-е изд. – М. : Академический Проект, 2006. – 232 с. – («Психологические технологии»).
4. Винникотт Д. В. Игра и реальность / Д. В. Винникотт. – М. : Институт Общегуманитарных Исследований, 2008. – 240 с. (Серия: «Современный психоанализ: теория и практика»)
5. Киселева М. В. Арт-терапия в практической психологии и социальной работе / М. В. Киселева. – М. : Речь, 2007. – 336 с., илл., – С. 18–23
6. Лебедева Л. Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий / Л. Д. Лебедева. – СПб. : Речь, 2007. – 256 с.
7. Мардер Л. Д. Цветной мир. Групповая арт-терапевтическая работа с детьми дошкольного и младшего школьного возраста / Л. Д. Мардер. – М. : Генезис, 2007. – 143 с., ил.
8. Мустакас Кл. Игровая терапия / Кларк Мустакас. – СПб. : Издательство «Речь», 2000 – 282 с.

Рецензенти: Мещанінов О. П., д.пед.н., професор;

Свириденко С. О., к.пед.н., ст. науковий співробітник

© Подвальна Н. В., 2011

Дата надходження статті до редколегії 23.09.2011 р.